

Цивилистический процесс в коммуникативном измерении

**Всеволод
Владимирович
Аргунов,**

кандидат
юридических наук,
доцент кафедры
гражданского процесса
юридического факультета
МГУ имени М.В.Ломоносова
argunov@mail.ru
119991, Россия,
г. Москва, ГСП-1,
Ленинские Горы, д. 1,
стр. 13–14

Гражданский процесс — «идеальное коммуникативное сообщество»? Идея дискурсивной этики применительно к судопроизводству

Аннотация. С философских и социологических позиций дискурсивной этики и идеального коммуникативного сообщества (К.-О. Апель, Ю. Хабермас, А. В. Назарчук), постнеклассического правопонимания и теории коммуникативного права (А. В. Поляков, Е. В. Тимошина, М. ван Хук) гражданский процесс рассмотрен как публичная коммуникация между обществом, государством и частными лицами на тему предельной конкретизации субъективного права (законного интереса). Выявлен вектор развития судебной коммуникации как формы социального управления, не совпадающий с нормативными основами аргументативного дискурса в философии и социологии по ряду параметров. Разработана типология моделей судебной коммуникации в гражданском судопроизводстве по критерию взаимодействия субъектов спора в процессуальных правоотношениях (всего пять типов). На основе междисциплинарного подхода выделены наиболее перспективные к правовому моделированию виды гражданского судопроизводства в отечественном правовом порядке.

Ключевые слова: право как коммуникация, идеальное коммуникативное сообщество, аргументативный дискурс, гражданский процесс, типы судебной коммуникации, виды гражданского судопроизводства.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.110.10.026-037

Vsevolod V. ARGUNOV,

Assistant Professor at the Department of Civil Procedure
of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University, Cand. Sci. (Law)
argunov@mail.ru

bd. 13–14, 1, Leninskiye Gory, GSP-1, Moscow, Russia, 119991

Is the Civil Process an «Ideal Communicative Community»? The Idea of Discursive Ethics in Relation to Judicial Proceedings

Abstract. From the philosophical and sociological positions of discursive ethics and an ideal communicative community (K.-About Apel, Y. Habermas, A.V. Nazarchuk), post-non-classical legal understanding and theory of

communicative law (A.V. Polyakov, E.V. Timoshina, M. van Hook), the civil process is considered as public communication between society, the state and individuals on the topic of the ultimate concretization of subjective law (legitimate interest). The vector of judicial communication development as a form of social management is revealed, which does not coincide with the normative foundations of argumentative discourse in philosophy and sociology in a number of parameters. A typology of models of judicial communication in civil proceedings has been developed according to the criterion of interaction of the subjects of the dispute in procedural legal relations (there are five types in total). On the basis of an interdisciplinary approach, the most promising types of civil proceedings in the domestic legal order are identified for legal modeling.

Keywords: *law as a communication, ideal communicative community, argumentative discourse, civil procedure, types of judicial communication, types of civil proceedings.*

Всякое государство — своего рода общение.
Общение свободных людей.

Аристотель

Понимание права на протяжении истории претерпевало множество метаморфоз. Каждая эпоха имеет свою правовую модель, выделяющую главенствующее значение тех или иных теоретических постулатов в соответствии с идеалами, выработанными научной мыслью и практическим опытом¹.

Своей задачей мы видим обсуждение коммуникативного подхода к праву через учение о процессуальном праве, о гражданском судопроизводстве. В условиях вторящего ему процессуального (процедурного) подхода теория права — не просто «возвещающее истину о праве абстрактное знание, но прежде всего инструмент выбора решения в проблемной юридической ситуации, обусловленного не только результатами формально-логического анализа права и процессуально установленными фактами, но и ценностями профессионального мировоззрения»².

Коммуникативная теория служит продолжением и детализацией более ранних вариантов правопонимания. По замечанию А. В. Полякова, право невозможно без социальной коммуникации. Условием правогенеза является не возникновение государства, а появление психосоциокультурных реалий, имеющих коммуникативную направленность, в которых находят свою объективацию правовые тексты, правовые нормы и правовые отношения, порождаемые intersubjectивной (коммуникационной) деятельностью членов общества. Право может возникнуть только

¹ Сырых В. М. Логические основания общей теории права. Современное правопонимание. М., 2007. Т. 3. С. 9.

² Тимошина Е. В. Классическое и постклассическое правопонимание как стили мышления // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию Андрея Васильевича Полякова : колл. монография : в 2 т. СПб., 2014. Т. 1 / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова. С. 89.

в условиях общего жизненного мира³. Данный подход, как и любая правовая теория, помогает решить три проблемы: 1) субъекта и его сознания, интерпретирующего «жизненный мир» как мир текстуальный (проблема того, кто интерпретирует и как происходит интерпретация); 2) правовых текстов или источников права и правовых норм (что интерпретируется); 3) правового взаимодействия (взаимобусловленного поведения) в форме корреспондирующих прав и обязанностей (перевод интерпретированного в социально-правовое действие)⁴.

И хотя теория коммуникации весьма молода и является объектом исследования многих областей знания, в настоящее время настал момент говорить о таком явлении, как «юриспруденция коммуникации». Важно не только влияние знаний о коммуникации на право, но и обратное влияние знаний о праве на коммуникацию. Последнее трактуется нами как поиск и установление права с помощью самого права в ходе дискурсивного взаимодействия всех желающих коммуницировать. Под правом мы подразумеваем «искусство добра и справедливости». Признание права коммуникацией как *сущности* само по себе еще ничего не говорит о том, какой *должна* быть такая коммуникация, какую роль может играть право в ее формировании.

Современное право превращается в реальную коммуникацию, когда ее участники понимают, что в ходе взаимодействия «пользуются правом» и способны принять на себя ответственность за результаты коммуникации. Безусловно, воплощение аксиомы «незнание закона не освобождает от ответственности» недостижимо, но в том-то и дело, что идеальная правовая коммуникация возможна только между субъектами: а) знающими объективное (писаное) право (как образец «идеального права»); б) способными сформировать предположения о субъективном праве (как «фактическом праве»); в) соблюдающими нормы самой коммуникации. Позитивное право как общая абстракция, зафиксированная текстом, есть *одно из* ведущих средств познания права индивидуального, субъективного и одна из частей коммуникации⁵.

Полагаем, что право как воплощение не только идеальной, но и материальной сферы «должного» способно в большей мере приблизить современное общество к «идеальному коммуникативному сообществу», чем иные регуляторы поведения. А учение о коммуникации имеет особую ценность в отношении процессуальных отраслей. Ведущими областями, воплощающими эту концепцию в жизнь по трем вышеуказанным проблемам одновременно, являются отрасли права, предмет регулирования которых — совместное познание справедливости в ходе рассмотрения и разрешения юридического дела.

Таким образом, *этика дискурса и коммуникативный подход* позволяют выдвинуть на первое место *процессуальное право*. Получив в древности мощный заряд из судебной коммуникации, даже в отсутствие такой составляющей, как правовой

³ Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб., 2014. С. 68—69.

⁴ Поляков А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. СПб., 2003. С. 175—176.

⁵ Как пишет А. В. Поляков, это «особый эталон, критерий права и неправы». См.: Поляков А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. С. 283.

текст и доктрина, процессуальное право, вероятно, изначально и представляло собой единственный вариант реального коммуникативного сообщества, имеющего предметом познания «доброе и справедливое» и охватывающего собой львиную долю населения древнего социума.

Соотнесем считающиеся аксиоматичными правила судебного процессуального взаимодействия с правилами идеальной коммуникации, разработанными в философии, социологии. Сделаем это на примере гражданского процесса, так как он отражает наибольшую палитру возможных сегодня моделей судебной коммуникации⁶. Судебная коммуникация — своего рода «эпистемическое сообщество», также стремящееся к коллективному пониманию истины, как и сообщество научное.

Каков абрис «идеального коммуникативного сообщества» и его правил? Концептуальные основы его как детища философии и социологии XX столетия только вырисовываются. Пожалуй, наиболее гармоничны и одинаково хорошо отвечают на вопрос о «сущем» и «должном» разработки немецких философов К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса о коммуникативной рациональности: по теории познания, трансцендентальной прагматике и дискурсивной этике. Первые две теории служат обоснованием третьей, наиболее интересующей нас.

Придерживаясь консенсуальной теории истины в науке, как и многие более ранние философы, они априори исходят из постулата обязательности познания путем очевидности личного сознания «Я» с взаимопониманием посредством языка с личным сознанием «Ты» в ходе коммуникации, ведущей к априорной значимости высказывания для «Нас». Однако концепции «языковой игры» Л. Витгенштейна, а также различного рода «сообщества», предложенные американскими философами и социологами («неограниченное сообщество исследователей» Ч. С. Пирса; «сообщество интерпретации» Дж. Ройса; «сообщество универсального дискурса» Дж. Г. Мида), по мнению немецких философов, подлежат развитию на основе диалектики трансцендентального идеализма и исторического материализма. В науках об обществе, где человек является сразу и объектом, и субъектом таковых, научное познание априори не может быть свободно от ценностей.

«Критическая наука об обществе, мыслящая собственный объект одновременно и в качестве субъекта науки, не может отказаться от оценки целей самих человеческих поступков»⁷. Основой «идеального коммуникативного сообщества», по мнению К.-О. Апеля, является набор минимальных *правил этики*, к соблюдению которых *должно стремиться* любое исторически обусловленное, воспроизводимое в действительности «реальное коммуникативное сообщество». «Безграничный процесс познания в качестве реального социального процесса с неясным фактическим исходом является предметом сразу и логики, и этики», — констатировал философ⁸.

⁶ Уголовный процесс с точки зрения вариантов коммуникации, думается, гораздо беднее, поскольку не имеет в своем арсенале такое количество процессуальных процедур, как гражданский.

⁷ Апель К.-О. Трансформация философии / пер. с нем. В. Куренного, Б. Скуратова. М., 2001. С. 200—201.

⁸ Апель К.-О. Указ. соч. С. 191.

На основе теории речевых актов Дж. Л. Остина и Дж. Р. Серла, К.-О. Апель из трех составляющих любого речевого акта центральным видит *иллокутивный акт*, выражающий коммуникативное намерение говорящего, заключающееся в желании быть понятым. А стандартное речевое действие понимается им как состоящее из двух частей: локутивной и иллокутивной. Иллокутивная выражается в перформативном предложении — высказывании, направленном на изменение реальности. Перформативное предложение само по себе не является истинным или ложным и всегда связано с действием, совершаемым одновременно с данным высказыванием, носит конститутивный (преобразовательный) характер и зависит от контекста.

Элементарным примером иллокутивного акта является дача обещания в разговоре или взятие обещания обратно. Локутивная часть означает констатирующее предложение (направленное на простое описание реальности), при этом его смысл (как его понимать) определяется именно иллокутивной частью. Перлокутивной части речевого акта (побуждающей к действию) К.-О. Апель и его последователи, в отличие от многих других ученых, не придают решающего значения⁹.

Чтобы перформативное предложение было успешным, должны выполняться определенные условия, своего рода «процедура». О них писали еще Дж. Остин и Дж. Серл (например, такие условия, как уполномоченность на совершение действия, искренность намерений в его совершении и пр.). На основе «процедуры» иллокутивного речевого акта К.-О. Апель и вывел минимальные этические правила для трансцендентальной прагматики и идеального коммуникативного сообщества.

Ю. Хабермас, как ученик К.-О. Апеля, подробнее разработал «нормативные требования значимости» к речевому акту с тремя модусами коммуникации: *нормативная правильность, истинность, правдивость*. Коммуникативной средой для взаимопонимания служат речевые акты:

а) установления и возобновления интерперсональных отношений, когда говорящий ссылается на что-то в *мире легитимных порядков*, выражая *притязание на признание данного действия правильным*, обычно в форме побудительных суждений или суждений о намерениях (регулятивные речевые акты — самые распространенные в праве);

б) описания или предположения о состояниях и событиях — говорящий ссылается на что-то в *мире существующих положений вещей*, здесь *выражается притязание на истину*, обычно в форме повествования (констативные речевые акты);

с) проявления переживаний, т.е. саморепрезентации, причем говорящий ссылается на что-то в привилегированно доступном ему *субъективном мире* и *высказывает притязание на правдивость* в форме суждений о переживаниях (экспрессивные речевые акты).

«Коммуникативно достигнутое согласие измеряется этими тремя доступными для критики притязаниями на значимость», — пишет Ю. Хабермас¹⁰. Каждый из трех актов может быть отвергнут слушателем как неправильный, неистинный или

⁹ Между тем в юриспруденции эта часть речевого акта в коммуникации является определяющей.

¹⁰ Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / пер. с нем. А. К. Судакова. М., 2022. С. 320.

неправдивый. В качестве дополнительного модуса Ю. Хабермасом предложена *понятность* (соответствие предложения языковым грамматическим правилам)¹¹. Это и есть *основы аргументативного дискурса* двух немецких философов. Центральным в нем является *притязание на правдивость, понимание*.

Таким образом, нормами идеальной прагматической коммуникации, проходящей в *форме аргументативного дискурса*, по К.-О. Апелю и Ю. Хабермасу, являются: *мотив участников — взаимопонимание, взаимосогласование*, так как в коммуникации в равной степени заложена как моральная, так и эвристическая основа; *запрет на преследование собственных интересов, не совпадающих с интересами всех («рациональное очищение дискурса»);* правило воздержания от применения неаргументативных приемов (*соблюдение модусов коммуникации*); *признание других как равноправных участников коммуникации*, если они сами соблюдают правила аргументации; требование прилагать усилия для расширения горизонта понимания своих аргументов другими участниками, способствование открытости (публичности) в реальном коммуникативном сообществе (*правило максимального приближения реального коммуникативного сообщества к идеальному*).

Важнейшим доводом философов является мысль о том, что перформативные аспекты коммуникации, безусловно направленные на взаимопонимание, нельзя элиминировать, их можно только заглушить (скрыть) перлокутивными речевыми актами, преследующими стратегические цели (побуждение другого сделать что-либо в интересах побуждающего, отличных от общего интереса). Если коммуникация и ее мотивы сознательно не искажаются, то следование правилам и априорным нормам коммуникации гарантирует правильность и перформативную истинность¹².

Итак, идеальная речевая ситуация всегда основана на единственном мотиве — стремлении к взаимопониманию. Минимальное значение термина «взаимопонимание», как пишет Ю. Хабермас, состоит в том, что (по меньшей мере) два субъекта, способных говорить и действовать, идентичным образом понимают некоторое языковое выражение¹³. Коммуникация считается успешной, если все ее участники стремятся понять друг друга, даже если выяснится, что какие-либо утверждения, выдвигаемые в коммуникации, объективно неверны. *Моральное злоупотребление вышеуказанными нормами, а также отсутствие возможности включения в коммуникацию всех желающих* участвовать в ней лиц разрушительно влияют на коммуникацию и ее результаты.

Вышеуказанные авторы строили свои исследования применительно к *научному сообществу*, чтобы описать возможные механизмы самоорганизации в *научной среде, добиться максимального уровня познания в научной коммуникации*.

¹¹ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 319—320 ; Назарчук А. В. Теория коммуникации в современной философии. М., 2009. С. 36.

Для юриспруденции этот модус также имеет важное значение, так как вся судебная коммуникация ведется не только на общеупотребительном, но и на профессиональном юридическом языке.

¹² Назарчук А. В. Теория коммуникации в современной философии. С. 35.

¹³ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 319.

Цель такого сообщества — поиск истины. Рискнем предположить, что результаты этих исследований важны и для деятельности по осуществлению правосудия, ядром которой является судебное познание и доказывание. И дело здесь не только в целях правосудия, научной деятельности. Вопрос о значении научного сообщества для науки синонимичен вопросам о значении науки и рефлексивного опыта для всего человеческого бытия¹⁴. Согласимся с утверждением философов, что *способ разрешения истинностных претензий (конфликтов) в жизни общества ничем не отличается от того, который происходит в идеальном коммуникативном сообществе*¹⁵. Судопроизводство — не исключение. По крайней мере, как для отечественной, так и для немецкой юриспруденции вопрос об истине в правосудии всегда находился в ряду особо значимых.

В отличие от научного сообщества, реальность которого может быть и иллюзорной, «судопроизводственное сообщество», представляющее собой на макроуровне сообщество юристов-профессионалов, работающих в судебной сфере («судебных юристов»), а на микроуровне — сообщество участников конкретного судебного процесса (включая публику), всегда ограничено по числу участников и воспроизводится ежедневно. Правосудие в буквальном смысле, как и наука, всегда существует в социальном контексте, и им не занимаются в одиночку. Но правосудие, в отличие от науки, не транспрозрачно, не исторично и не транстемпорально.

К.-О. Апель, как и Ю. Хабермас, признают, что правовое принуждение возможно в дискурсивной этике, хотя и имеет компенсаторный характер. Основа старая — осознанная необходимость (принуждение без насилия). Осуществляемая в условиях ограничений по времени, пространству, кругу лиц дискуссия не может проходить без участия направляющего ее «модератора», которому даны определенные правовые и властные полномочия. Но эти полномочия даются с целью достижения возможно высокой степени свободы от принуждения в коммуникации¹⁶ (вектор стремления к идеальному коммуникативному сообществу). Самой приспособленной в праве фигурой на роль модератора всегда был и будет суд.

Технические средства в коммуникации мы оставляем в стороне, так как солидарны с философами, что они могут как способствовать ведению аргументативного дискурса, так и препятствовать ему¹⁷. К примеру, правовое прогнозирование в сфере гражданского судопроизводства на основе ИИ может облегчить ведение спора, но может привести и к усилению зависимости судей и других участников судебного процесса от заранее сделанных прогнозов относительно итогов процесса¹⁸. Решение вопроса о том, *может ли участвовать в аргументативном*

¹⁴ Юдин Г. Б. Иллюзия научного сообщества // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3. С. 82.

¹⁵ Ситникова Е. И. К.-О. Апель об этическом измерении истории и политики // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 3 (4). С. 48.

¹⁶ Назарчук А. В. Этика глобализирующегося общества. М., 2002. С. 171.

¹⁷ Назарчук А. В. Этика глобализирующегося общества. С. 43—44.

¹⁸ Черных И. И. Правовое прогнозирование в сфере гражданского судопроизводства в условиях развития информационных технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 58—72.

дискурсе ИИ наряду (или наравне) с человеком или должна применяться иная технология, *зависит только от самого коммуникативного сообщества. Любое навязывание техники несовместимо с нормами дискурсивной этики.*

Право отражает человеческие сознательные цели, но вместе с тем является объективной необходимостью природы¹⁹. На примере основ аргументативного дискурса и идеального коммуникативного сообщества попробуем установить, насколько закрепленные в процессуальном законодательстве модели взаимодействия участников судопроизводства им соответствуют (не соответствуют).

В науке гражданского процесса нет общих работ по коммуникации²⁰. Близкими к данной тематике являются предложенные в развитие деятельностного подхода идеи о взаимодействии участников гражданского судопроизводства²¹. Некоторые вопросы взаимодействия и поведения лиц поднимались применительно к частным вопросам²², отдельным категориям дел²³.

Действующие сегодня модели судопроизводства с точки зрения типологии коммуникации возможно представить следующим образом. Гражданский процесс — это межличностная публичная коммуникация; на основе синтеза вербальной (речевой, в судопроизводстве — принцип устности и письменности) и невербальной (знаки, жесты, символы, паралингвистические средства, в судопроизводстве — принцип непосредственности) с преобладанием вербальной коммуникации; синхронная по времени и однопространственная по месту; с вектором развития на асинхронность и разнопространственность (при применении дистанционных технологий); по модусам Ю. Хабермаса, большей частью направлена не на иллюкутивные речевые акты (притязание на правдивость и понимание), а на перлокутивное побуждение и даже принуждение (притязание на нормативную правильность), с основой в локутивной констатации.

Публичность межличностной коммуникации означает опосредование ее правилами, направленными на институциональное (в рамках реализации судебной

¹⁹ Скурко Е. В. Пост-право. СПб., 2022. С. 113.

²⁰ Сухорукова О. А. Эффективность гражданского судопроизводства. Коммуникативный аспект. М., 2023 ; Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / М. В. Самсонова, Е. Г. Стрельцова [и др.] ; отв. ред. Е. Г. Стрельцова. М., 2022.

Обе работы, напрямую не посвященные судебной коммуникации, используют коммуникативный подход для решения отдельных вопросов гражданского судопроизводства.

²¹ См.: Зубович М. М. Арбитражное процессуальное взаимодействие. Иркутск, 2011 ; Резниченко И. М. Психологические аспекты искового производства. Владивосток, 1989.

²² Обычно это вопросы злоупотребления процессуальными правами, значения процессуального поведения участников для разрешения спора по существу. См., например: Юдин А. В. «Улики поведения» в гражданском и арбитражном процессе (к вопросу о доказательственном значении фактов процессуального поведения лиц, участвующих в деле) // Вестник гражданского процесса. 2016. № 4. С. 12—32 ; Стрельцова Е. Г. Принцип непосредственности и неуловимые обстоятельства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 12 (88). С. 120—127.

²³ Большинство представлены применительно к делам особого производства, связанным с определением правового статуса лица.

власти) общение не только с заинтересованными лицами, но и с публикой, а также затрагивание общественных интересов при осуществлении правосудия. В этом смысле процессуальная (судебная) коммуникация как форма управления совпадает по вектору с требованием стремления к идеальному коммуникативному сообществу. В этом ее преимущество по сравнению с непубличными формами рассмотрения юридических дел и разрешения споров (арбитраж, медиация, посредничество и др.). К сожалению, в последнее время вовлечение в аргументативный дискурс максимально возможного круга заинтересованных затухает и нивелируется. Современному правосудию не хватает публичности и демократичности²⁴.

Перлюкутивность судебной коммуникации означает, что модус истинности в правосудии подкрепляет не притязание на правдивость и понимание, а притязание на нормативную правильность и понуждение. Причем львиную долю правильности и принуждения вносит современное отношение к судопроизводству не как к дискурсу о субъективном праве (интересе), а как к услуге в сфере управления с принудительным эффектом. То есть по *главному критерию аргументативного дискурса* — *мотиву взаимопонимания правосудие есть «рационально не очищенное реальное коммуникативное сообщество»*. А вектор его направлен в сторону, противоположную от идеального коммуникативного сообщества.

Такой вывод напрашивается относительно правосудия в целом, как по гражданским, так и по уголовным делам. Возьмем гражданский процесс, спустимся внутрь системы, на уровень видов гражданского судопроизводства. Здесь можно вывести следующий тезис: *чем больше добровольности в процедуре рассмотрения и разрешения дела — тем ближе данное производство к нормативным основам аргументативного дискурса и идеального коммуникативного сообщества*. Парадокс, но аксиома «истина рождается в споре», которой придерживаются практически все вышеуказанные философы и социологи (и юристы тоже), не работает в современном процессуальном праве.

Подключим критерий «характер взаимодействия» субъектов процесса. Получим, что известные в истории России правила гражданского судопроизводства можно классифицировать на две большие группы: взаимодействие, основанное на сотрудничестве, и взаимодействие, основанное на конкуренции (борьбе). В первом случае у сторон есть общий интерес, выраженный соответствующими целями, который дает им возможность ценить имеющиеся взаимосвязи и стремиться к их сохранению и воспроизводству, однако есть разногласия относительно ресурсов и средств в его реализации. Наблюдается стремление к взаимопониманию. Во втором случае такого общего интереса не наблюдается и каждая из сторон, защищая свое право, равнодушна к взаимодействию с противником в будущем. То есть мотив к взаимопониманию в процессуальных правоотношениях отсутствует. На основе этих двух типов взаимодействия нами предлагаются общие модели правового поведения в гражданском судопроизводстве — «процесс

²⁴ Подробнее см.: Громошина Н. А. Вектор юридической науки. Принципы и трансформация гражданского судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 12 (88). С. 87—88; Хук М. Право как коммуникация / пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. СПб., 2012. С. 239—240.

на будущее» и «процесс в прошлое». Первая ближе к основам дискурсивной этики, чем вторая.

Многие юристы уверены, что в обеих моделях господствует начало борьбы. С этим можно поспорить. Большинство судебных дел проходят как в сотрудничестве, так и в борьбе. К тому же борьба нарушает правило аргументативного дискурса по признаку запрета на преследование собственных интересов, не совпадающих с интересами всех, а также по признаку общего табу на принуждение. *История показывает, что для некоторых категорий дел (экономических споров, дел добровольной юрисдикции) чаще предпочитался вариант с сотрудничеством и мотивом на взаимопонимание.* Наша задача — выявить максимальное количество *типовых ситуаций судебной коммуникации* в процессе и создать модели процессуальной деятельности, органично принимаемые ее участниками в тот или иной момент динамики конфликта.

Помехи в развитии регулятивных правоотношений являются, конечно, поводом для властного управления со стороны суда²⁵, но это еще не означает, что такое управление должно реализовываться на методе принуждения. Судебная защита — не синоним государственного принуждения, процесс — не форма принудительной реализации материального права. В процессуальных правоотношениях, как и в материальных, *в равной степени* возможны как согласование и договоренность, так и принуждение. В этом смысле существующие виды производств неравноценны. На основе комбинации характера взаимодействия субъектов в процессе и используемого метода правового регулирования такого взаимодействия можно построить *пять типовых ситуаций коммуникации в гражданском судопроизводстве* — это:

1) модель, основанная на принуждении к сотрудничеству стороны с судом, но не сторон между собой — инквизиционный, следственный процесс (сегодня не практикуется);

2) модель, основанная на принуждении к сотрудничеству сторон и суда и сторон между собой и иными субъектами процесса, — процесс «сотрудничества всех со всеми» — «социальный гражданский процесс» (терминология Ф. Кляйна), «советская» модель состязательного гражданского судопроизводства (терминология С. Н. Абрамова, А. Ф. Клейнмана). Ее в современной России тоже практически не осталось. Вероятно, наиболее близка к ней модель производства по делам о несостоятельности (банкротстве) в АПК РФ;

3) модель, основанная на свободном волеизъявлении к сотрудничеству — «партисипативный» процесс, основанный на общем совете. В современном варианте обычно выражается в несудебных примирительных процедурах. Такие процедуры процессом, по сути, не являются. Известен тип именно судебного процесса, основанного на добровольном стремлении к взаимопониманию — добровольная юрисдикция, примером которой сегодня является особое производство;

4) модель, основанная на принуждении сторон к конкуренции перед судом (борьбе, независимо от их мотивации на войну или мир) — «смешанная состязательность», «инструкционный процесс». Большинство современных

²⁵ Масленникова Н. И. Гражданский процесс как форма социального управления. Свердловск, 1989. С. 27.

процессуальных кодексов, во главе которых стоит исковая форма защиты права, основаны на этой модели;

5) модель свободной конкуренции (борьбы) в процессе — «чистый» состязательный процесс, соревнование равных между собой сторон по их доброй воле, а не по принуждению. Редкая и самая старая модель процессуального взаимодействия. Она недостаточно изучена и требует пристального внимания в современный период развития судопроизводства.

С точки зрения воспроизводства идеального коммуникативного сообщества обращают на себя внимание третья и пятая модели. В них отсутствует принуждение, в целом не одобряемое концептом идеального коммуникативного сообщества. Самые «дальние» от идеала — первая и четвертая модели. При этом очевидно, что третья, основанная на добровольном сотрудничестве субъектов процесса в познании истины по делу способна создать наиболее благоприятные условия для аргументативного дискурса²⁶. В длительной перспективе такое «совещательное, согласительное правосудие» докажет свою способность создавать более качественное право.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Апель К.-О.* Трансформация философии / пер. с нем. В. Куренного, Б. Скуратова. — М., 2001.
2. *Громошина Н. А.* Вектор юридической науки. Принципы и трансформация гражданского судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 12 (88). — С. 83—89.
3. *Зубович М. М.* Арбитражное процессуальное взаимодействие. — Иркутск, 2011.
4. Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию Андрея Васильевича Полякова : колл. монография : в 2 т. — СПб., 2014. — Т. 1 / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова ; предисл. Д. И. Луковской, Е. В. Тимошиной.
5. *Масленникова Н. И.* Гражданский процесс как форма социального управления. — Свердловск, 1989.
6. *Назарчук А. В.* Теория коммуникации в современной философии. — М., 2009.
7. *Назарчук А. В.* Этика глобализирующегося общества. — М., 2002.
8. *Поляков А. В.* Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. — СПб., 2014.
9. *Поляков А. В.* Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. — СПб., 2003.
10. *Резниченко И. М.* Психологические аспекты искового производства. — Владивосток, 1989.
11. *Скурко Е. В.* Пост-право. — СПб., 2022.

²⁶ В отличие от пятой, история которой показывает, что одна из сторон все же «привлеклась», «приводилась» на суд, а не являлась на него по доброй воле.

12. *Ситникова Е. И.* К.-О. Апель об этическом измерении истории и политики // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2009. — № 3 (4). — С. 44—49.
13. *Стрельцова Е. Г.* Принцип непосредственности и неуловимые обстоятельства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 12 (88). — С. 120—127.
14. *Сырых В. М.* Логические основания общей теории права. Современное правовое понимание. — М., 2007. — Т. 3.
15. *Хабермас Ю.* Теория коммуникативной деятельности / пер. с нем. А. К. Судаква. — М., 2022.
16. *Хук М. ван* Право как коммуникация / пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. — СПб., 2012.
17. *Черных И. И.* Правовое прогнозирование в сфере гражданского судопроизводства в условиях развития информационных технологий // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 6. — С. 58—72.
18. *Юдин Г. Б.* Иллюзия научного сообщества // Социологическое обозрение. — 2010. — Т. 9. — № 3.

